Восемьдесят два года жизни в России

-

И.М. Суриков

«У дедушки был сад, где росли старые антоновки. Мы, его внуки, любили забираться на дерево, рвать зеленые яблоки и обколачивать их о ствол дерева, от чего они становились мягкими.»

{НОВОЕ СЛОВО} ПРОЗА

МОСКОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Игорь Михайлович Суриков

Восемьдесят два года жизни в России

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972658
Восемьдесят два года жизни в России: Литературная Республика; Москва; 2013
ISBN 978-5-7949-0370-6

Аннотация

«Восемьдесят два года жизни в России» – автобиографическая проза интересного человека – автора, который успел и побывать научным сотрудником, и активно поучаствовать в политической жизни страны, и издать несколько собственных книг, в том числе – поэтических сборников. Этому человеку есть, что рассказать читателю. Его жизнь неразрывно связана с жизнью России, с эпохами – начиная с 30-х годов прошлого века до настоящего времени. Как хорошо, что свидетели великой истории могут поделиться с нами правдивыми фактами в автобиографических очерках, как это сделал Игорь Михайлович Суриков.

Содержание

1	4
2	9
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Суриков Игорь Михайлович

Восемьдесят два года жизни в России

1930–2012

1

Довоенное и военное детство 1930–1945 гг

Я родился в 1930 г. в г. Ленинграде (Санкт-Петербурге). Говорят, что меня крестили, но кто (возможно бабушка Фекла) и где (если бабушка, то очевидно в городе Торжке), никто не помнит. Неопределенность сведений о моем крещении связана с тем, что я родился в трудное для российского православия время. Моя мать в год рождения своего сына была комсомолкой. Тогда участие комсомольца в церковной церемонии не приветствовалось, и эта процедура проводилась в условиях определенной конспирации, возможно без участия моих родителей. Так или иначе, но мама оставила мне мой крестик. Зарегистрировали меня в Ленинградском Загсе. Мои родители переехали в Ленинград за несколько недель до моего рождения.

По-видимому, этот переезд был как-то связан с судьбой односельчанина Суриковых Собинова Ф. Е., еще до 1917 г. взявшего фамилию и имя Комарова Н. П. Возможно, именно Собинов-Комаров проторил для Суриковых дорогу в Питер, куда он переехал еще в 1902 г. До 1917 г. он стал солдатом ленинской гвардии. В октябре 1917 г. участвовал в штурме Зимнего дворца, затем стал членом Выборгского райкома РСДРП, а в 1920 г. руководителем Петроградского Губчека. В 1926 г. Комаров избран председателем исполкомов Ленинградского городского и губернского Советов трудящихся. В начале 1930 г. переводится в Москву, где становится народным комиссаром коммунального хозяйства РСФСР. Член Президиума ВЦИК СССР. В 1937 г. расстрелян. Брат Комарова Собинов Е. Е. был председателем первого колхоза в дер. Барыково, родине Суриковых, находящейся недалеко от города Торжок. Потомки Собиновых, как и Суриковых, еще и сейчас живут в Барыково и даже состоят в родстве.

Мой отец, Суриков Михаил Иванович, родился 26 (13 по старому стилю) октября 1903 г. в Барыково в семье солдата Сурикова Ивана Ивановича и его жены Ягненковой Феклы Ивановны в доме своего деда. Именины отца справлялись 21 ноября, а день рождения не справлялся вовсе. Запись о рождении отца я нашел в Метрической книге церкви Михаила Архангела в отделе ЗАГС Горисполкома Торжка. Отец учился в Высшем начальном училище (в 1918 г. в 3-м классе) Торжка. В годы НЭП с 1926 г. работал в Льноводческом кооперативном товариществе Торжка в качестве пресовщика сена. В марте 1928 г. поступил работать в Слесарномеханическую мастерскую Якушева в Торжке в качестве подручного токаря и затем токаря. В декабре 1928 г. уехал работать в Казахстан на станцию Джусалы в качестве слесаря-токаря в Механическом цехе Байконурских Каменноугольных копей Карсакпайского Комбината (недалеко от нынешнего космодрома в Байконуре). Однако уже через полгода уволился и весной 1929 г. вернулся в Торжок, где работал в Военных мастерских в качестве токаря.

В январе 1930 г. отец переехал в Ленинград, а 7 мая (за три недели до моего рождения) в Новоторжском уездном ЗАГСе Торжка зарегистрировал брак с Надеждой Васильевной Средтенской. После этого новая семья перебралась в Ленинград. Насколько я знаю, в Ленинграде мы жили вместе с другими Суриковыми на Большой Вульфовой улице, 2 на Петроградской стороне. До 7 мая мои родители состояли в гражданском браке и жили вместе в Торжке по

адресу улица Володарского, 57 (есть запись в старом паспорте об их прописке 19 ноября 1929 г.). Однако их свадьба вроде справлялась в Торжке 17 апреля 1928 г. (именно эту дату отмечали ежегодно мои родители как день свадьбы).

В Ленинграде с февраля 1930 по февраль 1934 г. отец работал на заводе «Знамя труда» № 1 в качестве токаря 5–7 разряда, далее инструктором в Бюро технических приспособлений, а с 1933 г., после окончания Арматурного техникума, механиком Механического цеха на участке инструментально-хозяйственных приспособлений и ремонтно-монтажного оборудования. На заводе «Знамя труда» он в 1931 г. вступил в ВКП (б). С октября 1930 по июнь 1933 г. отец учился на вечернем отделении Ленинградского Арматурного техникума, получив квалификацию техника-механика. Перед этим он недолгое время был студентом 2-го Государственного рабочего Университета в Ленинграде, вскоре ликвидированного.

В августе 1932 г. комнату на Б. Вульфовой обменяли на две комнаты по улице Пушкинской, 3. В одной из комнат поселилась моя семья вместе с тетей Анной. Далее эту комнату обменяли на комнату на ул. Рылеевой (бывшая Спасская) 21, кв. 54 в доме, который до 1917 г. принадлежал семье великого князя Константина Константиновича Романова (см. книгу А. Дубина Улица Рылеева, Москва, 2008). Константин Константинович был известен в России как поэт, печатавшийся под псевдонимом К.Р. Из его произведений особенно популярен текст романа Чайковского «Растворил я окно». К.Р. умер в 1915 г., не дожив всего два года до потрясений 1917-го.

В феврале 1934 г. отца мобилизовали работать на Уралвагонстрой (ударная стройка) в город Нижний Тагил, где зачислили временно сменным мастером отдела главного механика. Комната на Рылеевой была забронирована. В 1934 г. семья переехала в Нижний Тагил, где поселилась в двух комнатах трехкомнатной квартиры (третью комнату занимала немка с дочкой) трехэтажного деревянного дома. Помню прогулки в тайгу, золотоискателя, которого мы встретили на берегу ручья, деревянную лошадку, которую мне привез отец из Торжка, подаренный няней самолетик, запускавшийся рогаткой. Помню, как мы с мамой клеили цепи из бумаги на елку, делали флажки из фантиков. Помню детский сад, мои слезы и нежелание расставаться с мамой. Помню, как я чуть не погиб, сидя на грудке шпал в тупике узкоколейки, когда на меня неслись оторвавшиеся вагонетки. Я спрыгнул со шпал за несколько секунд до того, как вагонетки разбились тупиком. В другой раз я свалился в яму и чуть не утонул. Затем мне разбило голову качающейся доской, под которую я сел. Мама рассказывала, что меня на базаре пытались увести с собою цыгане.

На Уралвагонстрое отец был назначен заведующим группой подготовки производства, далее переведен на должность токарного мастера с окладом 500 р. в месяц. В ноябре 1934 г. его перевели в цех колес Гриффина, затем на должность временно исполняющего обязанности механика этого цеха, помощника механика, а в 1935 г. на должность помощника механика сталелитейного цеха. Парторгом этого цеха был позднее расстрелянный отец поэта Булата Окуджавы. В январе 1936 г. после аварии в цехе мой отец был уволен с формулировкой «за халатное отношение к работе». Еще раньше в августе 1935 г. он был исключен из ВКП (б) во время проверки партийных документов (чистки) за сокрытие биографических данных об отце как кулаке и владельце якобы трактора (на самом деле, дед содержал трактир, но слово трактир переделали на трактор, заменив всего одну букву). В начале 1936 г. отца в Тагиле арестовали по ложному обвинению во вредительстве (статья 58, часть 2 УК РСФСР – экономическая контрреволюция) в связи с аварией в цехе, содержали в тюрьме Свердловска (ныне ему возвращено старое название Екатеринбург), но потом из тюрьмы выпустили. Мать ездила в Свердловск, хлопотала за него. После этого весной 1936 г. мы вернулись с Урала обратно в Ленинград, на Рылееву.

Здесь родители отдали меня в детский садик. Я смутно помню, по крайней мере, два адреса, по которым находились мои садики. Один располагался недалеко от угла Кирочной

(ул. Салтыкова-Щедрина) и ул. Восстания. Второй находился напротив маленького кинотеатра на улице Восстания. Если мне не изменяет память, то этот кинотеатр назывался «Луч». Мое пребывание в детских садах оставило у меня неприятные воспоминания, связанные с приемом рыбьего жира. Этот жир давали детям для предупреждения рахита. До сих пор помню самые горестные ощущения, которые я испытывал при приеме рыбьего жира. Он вызывал у меня тошноту и даже рвоту, хотя нам и давали для облегчения нашей участи маленькие кусочки хлеба, чтобы заесть этот жир.

В апреле 1936 г. отец был зачислен инструктором Конструкторско-Испытательного Бюро Центральной Научно-Исследовательской Лаборатории Абразивов и Шлифования г. Ленинграда. В августе 1936 г. мы отдыхали под Москвой в поселке Снегири у тети Кати Победоносцевой. Присутствовали на аэродроме в Тушино на авиационном празднике, где видели в небе краснокрылый самолет АНТ-25 с Чкаловым.

Зимой 1936/1937 г. перед Новым годом мы ездили втроем в Торжок хоронить дедушку Сурикова Ивана Ивановича. Я помню, как лежал на печи и боялся подойти к гробу. Я любил дедушку. При его жизни мы ездили к нему летом отдыхать на Лакалов переулочек Торжка. Сюда деда переселила советская власть, экспроприировав принадлежащий ему большой дом на Успенской улице (ныне ул. Володарского, 17). Этот дом с участком земли дед купил около 1912 г., когда он содержал в Торжке на Конной улице питейное заведение с бильярдом. Этот двухэтажный деревянный дом до сих пор служит людям. Чуть ли не весь Торжок помнит, что этот дом принадлежал Сурикову И. И., моему деду.

После НЭП дедушка занимался извозом. Однажды он взял меня на пункт прессовки сена. Я сидел на возу с сеном, а потом шел рядом, держась за дедушкину руку. На пункте я потерял пояс, мы его искали вместе с дедом. У дедушки был сад, где росли старые антоновки. Мы, его внуки, любили забираться на дерево, рвать зеленые яблоки и обколачивать их о ствол дерева, от чего они становились мягкими. Из Торжка мы увозили в Ленинград корзину душистой антоновки. Помню бабушку Феклу, которую я звал Свеклой, приносящую нам сласти из кладовой. Из дома деда на Лакаловом переулочке мы ездили однажды на телеге в дер. Барыково.

В 1937 г. родился брат Олег. Я помню, как мы с отцом носили маме передачи в роддом на ул. Петра Лаврова. В Ленинграде отец долго хлопотал о восстановлении в ВКП(б) и добился своего. В 1938–1939 гг. он работал токарем, механиком и технологом на Механическом заводе треста «Союзтеплострой». В декабре 1939 г. в конце войны с Финляндией он был призван в армию, но вскоре демобилизовался ввиду окончания войны и в январе 1940 г. поступил работать технологом в НИИ местной промышленности. Далее он работает технологом в 8-м Государственном проектно-институте, а в апреле 1940 уже переведен на должность технолога Ленинградского Мотоциклетного завода. Я также помню, что в это время он увлекся сборкой мотоциклов и из нескольких разбитых машин собрал работоспособный Харлей, который был взят безвозвратно в армию с началом ВОВ.

После 1937 г. мы с мамой и братом Олегом ездили отдыхать летом в Торжок, но жили уже не в доме деда, а у Анны Ивановны Суриковой-Гурьяновой, сестры папы. Здесь я играл с двоюродными братьями Колей, Володей Гурьяновыми и Толей Демидовым. Они научили меня плавать и страховали при первом моем заплыве через реку Тверцу выше пешеходного моста. Володя был хороший рыбак. Мы часто ловили рыбу, загоняя ее в проволочную вершу. У Гурьяновых были голуби, которых мы гоняли.

В 1938 г. я пошел в 1-й класс школы на Басковом переулочке Ленинграда (на этом переулочке в доме 15 жила семья нашего Президента В. В. Путина). Далее меня перевели в школу на углу улиц Некрасова и Маяковского, а затем в 3-й класс новой школы на ул. Маяковского. Я был старостой класса. Учился отлично. Перед войной получал грамоты и книги в награду за учебу. Ходил в кружок лепки во Дворце пионеров, к частной учительнице лепки на ул. Ма-

яковского. Пел в хоре Дворца пионеров Ленинграда и однажды репетировал под руководством композитора И.О. Дунаевского.

В 1940 г. мы жили летом на даче на электроподстанции в поселке Вартемяки под Ленинградом, вместе с семьей наших друзей Гусевых. В Вартемяках мы собирали грибы, играли в лапту, крокет. Там я однажды, прыгая с балки сарая в сено, неудачно сделал сальто и упал, согнувшись, на загривок. У меня перехватило дыхание, а потом поднялась температура. Мать возила меня к врачу, но он не нашел никаких повреждений позвоночника. Где-то в 1940 г. или раньше я научился кататься на подаренном мне отцом детском двухколесном велосипеде, разбив однажды правое колено при падении, что в зрелом возрасте обернулось артрозом.

В начале лета 1941 г. наша семья выехала на дачу в Вартемяки, а в июне началась война с Германией. Сначала отец перевез нас в город. Где-то в конце июля нас троих, маму, меня и брата Олега, эвакуировали с Московского вокзала на поезде из Ленинграда. В дороге мы видели разбомбленные поезда. Ехали через Мгу-Сонково-Бологое (дорога Ленинград-Чудово-Бологое уже не использовалась из-за наступления немцев), а прибыли в Торжок к маминной сестре, тете Кате Федухиной на ул. Дзержинского, 34. Осенью за нами приехал отец и повез в город Горький (ныне ему возвращено историческое название Нижний Новгород). Из Торжка до Калинина (ныне и этому городу возвращено историческое название Тверь) мы ехали в товарных вагонах теплушках. Потом плыли до Ярославля по Волге на пароходе. В Ярославле ночевали на берегу на каких-то столах. Наконец, из Ярославля добрались до Горького. Туда эвакуировали мотоциклетный завод отца, слившийся с Горьковским автомобилестроительным заводом (ГАЗ). Мы поселились на ул. Правды в Кунавинской слободе за Окой. Я учился в 4-м классе. Зимой в классе было холодно, замерзали чернила. Здесь я впервые осознал, что я близорукий, хотя и раньше замечал, что вижу неважно. Помню налеты на автотавол немецких самолетов, пожар на заводе, стрельбу зениток. Я собирал осколки бомб и начинку зенитных снарядов.

К весне 1942 г. отец отправил нас с мамой в деревню, в Тоншаевский район Горьковской области. Мама договорилась с председателем какого-то колхоза о ее работе счетоводом. До станции Тоншаево (или Шахуньи) ехали на поезде, на станции нас встретили присланные из колхоза люди и отвезли на санях в деревню Усково (сейчас этой деревни, по-видимому, не существует). В дороге сонный брат Олег вывалился из саней, но все обошлось. Мы поселились в Усково, где мама стала работать счетоводом. Я пошел доучиваться за 4-й класс в школу деревни Богатыри, находившуюся недалеко от Ускова. Закончил класс отлично, получил свидетельство о четырехклассном образовании и грамоту. В ту весну я впервые держался за плуг. Нянчился с Олегом. В деревне было грязно, я ходил по улице на ходулях. Деревенские ребята научили добывать березовый сок. Ходил в лес за грибами, замотавшись от комаров полотенцем. Летом 1942 г. я пытался замещать заболевшего почтальона, но после первого похода за почтой в районный центр Тоншаево в дождь простудился и слег. Так закончилась моя карьера почтальона. Немного работал в колхозе. Сначала мы в Ускове жили на высоком берегу речки, у въезда в деревню. Помню, как я, несмышленный мальчишка, поучал седебородых мужиков относительно правильности политики советской власти в области коллективизации. Позднее мы переехали в другой дом в середине деревни. Зимой 1942/1943 гг. я пытался ходить в 5-й класс за несколько километров от Ускова лесной дорогой, но бросил. Тяжело, да и волки пугали. В школе я познакомился с мальчиком, эвакуированным из блокадного Ленинграда. Он рассказал мне об ужасах блокады.

В первой половине 1943 г. мы переехали ближе к районному центру Тоншаево, в деревню Ложжари. Нас поселили у бездетной четы Жарковских. Летом я занимался своим огородом. Участвовал в колхозных работах: погонял лошадь на жатве, теребил лен, метал копну и т. д. Заработал несколько трудов дней. Летом 1943 г. ходил за грибами, сдавал их на

заготовительный пункт и впервые заработал немного соли. Питались мы в Усково и Ложкарях неважно. В Ложкарях в муку добавляли тертые сухие головки клевера. Часто ели гороховый и овсяный кисель с льняным маслом. В Ложкарях у мамы и у меня были какие-то, видимо трофические язвы на ногах, долго не заживавшие. Мама работала счетоводом. В Ложкари к нам приезжал на несколько дней папа. В 1943 г. его взяли в армию, отправив на какие-то курсы. В Ложкарях я видел, как давят льняное семя и получают масло, гонят мед из сот в крутильном аппарате. Перечитал книги по свиноводству, птицеводству, пчеловодству и другие, бывшие в конторе колхоза. Возможно, все это способствовало тому, что впоследствии я выбрал профессию биолога. Завел кролика и выщипывал у него пух, пока он не сбегал от меня. В 5-й класс я так и не ходил, а сдал экзамены за него экстерном в Тоншаево. Осенью мама пыталась устроить меня на квартиру учительницы в райцентре с тем, чтобы я ходил в 6-й класс. Но я очень скоро ушел домой пешком.

Осенью 1943 г. мы переехали в Торжок. Помню, что на станции Шахунья была очень трудная посадка на поезд. Какие-то аферисты взялись посадить нас и украли некоторые вещи. В Торжке мы поселились у тети Кати Федухиной, маминой сестры, на ул. Дзержинского, 34. Я учился в 6-м классе школы у сквера с памятником Ленину, указующего на тюрьму. В школе один год зубрил немецкий язык. В начале 1944 г. сняли блокаду Ленинграда, а 13 июля мы вернулись после трехлетнего отсутствия домой в свою комнату на Рылеевой. Ленинград поразил тишиной и пустынностью. Как мне показалось, разрушений в городе было не так уж много. Он не производил впечатления лежащего в руинах. Все-таки его удалось не только отстоять, но и сохранить. Разрушенные отдельные дома были на ул. Рылеевой, на Моховой и на других улицах. Они были огорожены заборами и не производили удручающего впечатления.

В нашем доме, как и в других домах Ленинграда, были коммунальные квартиры, все жильцы которых вымерли в годы блокады. Дворники знали такие квартиры, и тогда можно было за небольшую взятку занять квартиру. Но моя мать оказалась недостаточно предприимчивой, чтобы сделать это, и мы остались в маленькой 17-метровой комнате. Мама стала работать экспедитором в столовой Ленэнерго на Марсовом поле. Это позволяло иметь небольшое количество еды помимо продуктовых карточек. Отец был на фронте, часто писал нам письма. С 1944 г. я начал вести дневник, сохранив эту привычку с небольшими перерывами на всю жизнь.

В сентябре я пошел учиться в 7-й класс 203-й школы Ленинграда, а брат Олег в 1-й класс этой же школы. Эта старинная школа возникла еще в 1722 году вслед за другой подобной школой Петершуле в Санкт-Петербурге. Ее основателем был немецкий пастор Иоганн Леонард Шаттер. В 1736 году школа была учреждена официально. Императрица Анна Иоанновна дала на это свое разрешение. Это описано в книге Архангельского «Анненшуле сквозь три столетия», Санкт-Петербург, 2004. Школа в 1944 году находилась (а ее здание находится и сейчас) рядом с кинотеатром Спартак (бывшее здание кирхи Святой Анны).

9 мая 1945 г. закончилась война.

2

Послевоенная юность 1945–1953 гг

Летом 1945 г. наша семья из Ленинграда никуда не уезжала. Мама работала по-прежнему в столовой Ленэнерго, обеспечивая нас питанием. Отца перевели в город Болград Измайловской области, где он ждал демобилизации. В начале 1946 г. отца демобилизовали, и он вернулся в Ленинград. Летом мы всей семьей полетели на самолете в Крым (летели на «Дугласе» с посадкой в Курске) в Ялту к тете А.И.Демидовой. Пытались там закрепиться жить, но, встретив ряд препятствий, с облегчением отказались от этой затеи. В Ялте я болел, плохо адаптируясь к климату и питанию. Совершил вместе с двоюродным братом Анатолием Демидовым ряд походов в горы, в том числе на гору Ай-Петри. Приобрел опыт торговли шелковицей на базаре. Посетил дом-музей Чехова, Никитский Ботанический Сад. В середине июля мы уехали поездом на север, домой.

После поездки в Крым произошла смена жизненных ориентиров семьи. Зимой 1946/1947 гг. родители купили дом с участком в Терийоках недалеко от Ленинграда. Терийоки – финское название. После финской войны и присоединения Карельского перешейка к СССР поселок назвали Зеленогорском. Но в 1947 году старое название еще помнили и употребляли. 1947 год прошел под знаком освоения дома и участка в Терийоках, а также в заботах о хлебе насущном, не считая учебы, к которой я относился достаточно серьезно. Проблема недоедания, постоянного желания насытиться мучила нас особенно весной. Ели крапиву, картофельные очистки, отруби. Пытались заработать денег на перепродаже обоев, черники, отец ремонтировал для продажи велосипеды, пианино. На заработанные деньги покупали коммерческие продукты в дополнение к скудному обеспечению карточками. Завели скотину: сначала козу Машку, купленную в Гатчине под Ленинградом, затем корову Лысеху, купленную отцом в Торжке. В декабре пережили денежную реформу, потеряв немного денег, вырученных за продажу швейной машинки. Точнее мы накопили на них вина, встретив во всеоружии Новый Год. С сентября я стал жить один в Ленинграде на ул. Рылеева, посещая 10-й класс. Скучал по своим и нетерпеливо ждал встречи по выходным дням. Отец устроился работать в Терийоках, был председателем районного комитета Добровольного Общества Содействия Армии Авиации и Флоту. Олег 4-й класс учился там же. В ноябре я первый раз обрил усы. Начал собирать свою библиотеку, купив в качестве первой книги «Падение Парижа» Ильи Эренбурга. Дважды, весной в мае на Рылееву и осенью в октябре в Терийоки к нам на несколько дней приезжал дедушка Василий Дмитриевич Сретенский. Тогда я видел его в первый и последний раз.

Вспоминаю, как в один из пасмурных дней февраля 1948 года ко мне на улицу Рылеева пришел мой одноклассник Виктор Корчной. Вернее это не я помню, а мой дневник содержит запись об этом эпизоде. Тогда я что-то растолковывал ему из черчения и астрономии. Было еще далеко до времени, когда звезда Корчного засверкала на небосклоне шахматных баталий. Впрочем, это неверно. Уже в 10-м классе, т. е. в 1948 г., Корчной завоевал звание чемпиона СССР по шахматам среди юношей. Это был год окончания школы, после которого наши пути разошлись. Корчной поступил на исторический факультет Ленинградского Университета, а я стал студентом того же вуза, но на биолого-почвенном факультете. Далее я, как и все мои одноклассники, с нарастающим интересом следил за судьбой Виктора. А она складывалась очень причудливым, необычным образом. Неоднократный чемпион СССР по шахматам, молодой гроссмейстер, претендент на мировую шахматную корону, своеобразный шахматный борец, похожий только на самого себя, объект преследования со стороны властей нашей страны, невозвращенец, оставшийся на Западе для продолжения своей шахмат-

ной карьеры, наконец, шахматный долгожитель, продолжающий удивлять мир своим творчеством. Все это мой одноклассник Виктор Львович Корчной. Он оказался самым ярким явлением среди моих товарищей по школе, самым известным и замечательным из учеников нашего класса.

В Ленинграде я скушал один, ездил на выходные дни в Терийоки. Там мы топили печку углем, который добывали на железнодорожной станции. Брат Олег выступал в Терийоках по радио с игрой на аккордеоне. В мае я ходил в Военно-Морское Училище имени Фрунзе узнавать о возможности поступления, но близорукость – 4,5 диоптрии оказалась непреодолимым препятствием для этого. Переориентировался на специальность селекционерара-сте-ниевода. Много ходил в кино, театры, перечитал кучу книг. 10-й класс окончил отличником по всем предметам, получил золотую медаль, которую мне вручали вторым после Александра Слуцкера (нынешний доктор физико-математических наук, профессор Физико-технического института им. Иоффе в Санкт-Петербурге А.И.Слуцкер) на выпускном вечере во Дворце пионеров Ленинграда.

Большинство моих одноклассников после окончания школы пошли в технические вузы, а я без экзаменов поступил на биологический факультет Ленинградского Государственного Университета (ЛГУ) после беседы с деканом факультета Н. В. Турбиным. Я тогда колебался в выборе вуза для продолжения образования. Меня привлекала Тимирязевская Сельскохозяйственная Академия (ТСХА) в Москве и биофак ЛГУ. Естественно, что я, житель Ленинграда, сначала направился в Университет. У меня сохранились очень краткие дневниковые записи об этом важном для меня периоде жизни:

Из дневниковых записей:

Записан визит с моим другом детства Геннадием Гусевым в Университет: «8 июля 1948 г... я его потащил в Университет. Пришли в 3 часа. Направились прямо в приемную комиссию. Но там мне ничего вразумительного об интересующих меня сведениях не могли сообщить. Пошли по Университетскому коридору. Нашли биологический факультет. Я решил пойти к декану и пошел. Поговорили по душам. Он мне посоветовал все-таки идти в Университет. Я решил. Подаю документы в Университет».

Далее: «... 13 июля я был в Ленинграде, подал заявление и документы в Ленинградский Университет на отделение генетики и селекции растений биологического факультета».

Спасибо декану Турбину за его совет идти мне на биофак ЛГУ, а не в ТСХА. Возможно, именно это позволило мне со временем стать настоящим генетиком, а не адептом Т.Д.Лысенко, знаменитого «борца» с менделизмом-морганизмом. Турбин был весьма интересным персонажем в науке. Долгое время в молодости он подвизался в качестве мичуринца... Именно в 1948 г., когда я поступал в ЛГУ, он принимал участие на стороне Лысенко в дискуссиях по генетике, в том числе в главной дискуссии на известной августовской сессии ВАСХНИЛ. В дополнение к дневниковым записям я вспоминаю об этом визите к декану Турбину. Он был только что назначен на эту должность. Перед 1948 г. он три года заведовал кафедрой генетики Ленинградского Университета, а в 1948 г. стал заведующим кафедрой генетики и селекции и одновременно деканом биолого-почвенного факультета ЛГУ. Турбин вел себя во время моего разговора с ним как молодой победитель, излучающий бодрость духа и готовность все изменить в науке. Значит, к этому времени он уже знал о предстоящей сессии ВАСХНИЛ, которая, как известно, состоялась в период с 31 июля по 7 августа 1948 г. Значит, он уже знал о том, что результаты знаменитой дискуссии предрешены и, наверное, у него уже был готов текст его выступления на сессии. Кстати, его выступление по времени состоялось как раз после выступления известного менделиста-морганиста А.Р. Жебрака. Позднее Турбин стал постепенно отходить от позиций Лысенко и переходить на сторону менделистов-морганистов. Такая метаморфоза обеспечила ему удивительные перемещения по служебной лестнице. Он стал академиком АН БССР, а позднее академи-

ком ВАСХНИЛ. Более того, он со временем сблизился именно с Жебраком, выступление которого на августовской сессии ВАСХНИЛ произошло перед выступлением Турбина. Но в 1948 г. и несколько лет позднее Турбин был убежденным борцом за мичуринскую биологию.

Я же летом 1948 г. выпасал, кормил, поил и доил нашу корову Лысеху в Терийоках. Мама продавала молоко по 6 р. литр. Осенью Лысеху продали за 8500 р. После нее купили двух коз, а затем корову Субботку. Была у нас также свинья Машка. Летом у нас на даче снимали комнату А.Н.К., жена контр-адмирала, с 12-летней дочерью В.К. (Лора). Я также познакомился с ее подругой, М.П. Я влюбился в Лору и после возвращения осенью в Ленинград часто ездил на 13-ю линию Васильевского острова, где жила ее семья.

В июле 1948 года я с Геннадием Гусевым совершил путешествие на велосипеде из Ленинграда в Москву за 6 дней с остановкой в Торжке. Мы ночевали на 120-м км от Ленинграда, в Крестцах, на 400-м км и далее приехали в Торжок, где отдыхали один день в доме у моей тетки Е.В. Федухиной. Затем был двухдневный пробег до Москвы с остановкой в 90 км от нее. В результате поездки у меня сильно болело сердце. Перед началом учебы в Университете я составил грандиозный план самообразования, но, к счастью, выучился корректировать цели применительно к жизни. Удивительно, что знаменитая августовская сессия ВАСХНИЛ 31 июля – 7 августа 1948 г. как-то прошла мимо меня и не была никак отражена в моих дневниковых записях. Видимо я слишком переутомился в июльской поездке на велосипеде в Москву, и весь август приходил в себя.

В Университете я попал в 3-ю группу студентов первого курса биолого-почвенного факультета. Организовал кружок биологии у себя дома. Вел разговоры о создании политического кружка, но благоразумно удержался от этой, опасной и малополезной в то время деятельности. Был избран комсоргом группы, старостой дарвиновско-мичуринского кружка. Посещал лекции по абонементу в Эрмитаже, серьезно расширившие мой кругозор. Получал стипендию 260 р. В октябре 1948 г. в Калязине от воспаления легких умер дедушка В.Д.Сретенский. В конце года в семье начались дискуссии о ликвидации хозяйства в Терийоках.

В январе 1949 г. я сдал первую сессию в Университете только с отличными отметками. Получил повышенную стипендию. 25 января наблюдал в Терийоках красивейшее полярное сияние. Много ходил в театры, посещал лекции в Эрмитаже, читал книги, занимался. Покупал книги для своей библиотеки на стипендию. Пытался начать курсовую работу на кафедре генетики и селекции под руководством сотрудника кафедры А.И.Палиловой на тему о влиянии прививки на скрещиваемость растений. Занимался легкой атлетикой у заслуженного мастера спорта Р.Д.Люлько, но не очень успешно и с болями в сердце. Посетил выставку картин художника Шишкина в Русском музее. Пережил кражу чемодана тети Кати при его транспортировке в поезде Терийоки-Ленинград (я уснул, положив чемодан под лавочку, и его естественно увели). Весной влюбился в свою сокурсницу Т.Л., не получая живых стимулов от общения с В.К. Летом прошел практику в Саблино и Старом Петергофе. Пережил эпизод имитации самоубийства Левого Серавиным (будущий доктор биологических наук, профессор Л.Н.Серавин), снимал его с дерева. Активно участвовал в рассмотрении этого поступка на курсе. В конце лета совершил вместе с однокурсником Толей Шаминым (будущий кандидат биологических наук А.А.Шамин) и его товарищем поход из Зеленогорска в Райволу (нынешний поселок Рощино) с двумя ночевками в лесу. Осенью я недолго был секретарем комсомольского бюро 2-го курса биолого-почвенного факультета Университета. Осенью мои родители и брат Олег переехали из Терийок обратно в Ленинград на Рылееву. Олег пошел учиться в 6-й класс 203-й школы.

В начале 1950 г. я познакомился с профессором (позднее академиком и лидером советской ботаники) А. Л. Тахтаджяном, который пытался привлечь меня к работе на кафедре ботаники. Он дал мне прочитать невыпущенную, но напечатанную книгу С.С.Хохлова об апомиксисе (способ размножения растений семенами, но без слияния женской и мужской

половых клеток). Я стал посещать ботанический кружок, заинтересовался систематикой растений. На третьем курсе я даже получил стипендию имени крупного российского ботаника В. Л. Комарова. В начале года наш дом в Терийоках был продан за 50 тысяч рублей. Произошла очередная смена жизненных ориентиров семьи. Весной мое увлечение Т.Л. прошло. Летом я ездил на практику в заповедник «Лес на Ворскле» в Белгородской области. В конце октября я поехал в агитпоход по Ленинградской области. Помню, как сел в темный вагон пригородного поезда на Варшавском вокзале Ленинграда. Познакомился с членами агитбригады и среди них с Кирой Кузнецовой, студенткой 4-го курса биофака. Мы доехали до станции Толмачево, оттуда плыли пароходиком вниз по реке Луге. Посетили ряд деревень. К концу похода я влюбился в Киру, как оказалось, на всю жизнь. В Ленинграде был у нее на дне рождения. Новый год встретил с Кирой в Летнем саду.

С конца 1950 г. я почти прекратил ведение дневника. Частично письменный дневник мне заменили фотографии. У меня появился фотоаппарат «Зоркий», я сам проявлял пленки и печатал снимки. Думаю, что прекращение ведения дневника связано не только с занятостью фотографией, но и с бурными событиями тех лет, не оставившими места в моей душе для спокойных размышлений о жизни. Именно в эти годы была моя женитьба, рождение детей, начало психического заболевания Киры, переезд в Минск, мой поворот к настоящей генетике, защита кандидатской диссертации, возвращение в Ленинград, появление первых печатных работ, попытка освоить чуждую для меня область генетики раковых клеток, политическое взросление под влиянием оттепели, и многое другое.

К весне 1951 г. я вернулся на кафедру генетики и селекции ЛГУ, уйдя из группы ботаников. Кира ездила на преддипломную практику в совхоз «Караваново» Костромской области. В конце лета я побывал у своего руководителя В. С. Федорова, доцента кафедры генетики и селекции ЛГУ, на биостанции Университета в городе Сестрорецке, пригороде Ленинграда. Осенью 27 октября мы с Кирой сыграли свадьбу, сначала с друзьями и товарищами на Кириной старой квартире около площади Льва Толстого, а потом с моими родственниками на Рылеевой улице, 21. К этому времени мои родители обменяли нашу старую 17-метровую комнату в квартире 54 с доплатой на большую комнату в соседней квартире 53, которую можно было поделить перегородкой на две комнаты. Это мы с папой сделали. У нас с Кирой получилась маленькая восьмиметровая комната.

В 1952 году Кира окончила Университет и стала работать в Городском лекционном бюро на Малой Садовой улице. Весной 1952 г. я начал работать по дипломной теме у В. С. Федорова в Сестрорецке, занимаясь клонированием и изоляцией колосьев ржи. Однако за какую-то провинность (кажется, я прогулял момент начала изоляции) Федоров отстранил меня от работы. Некоторое время я пытался акклиматизироваться у другого сотрудника кафедры генетики и селекции Университета Я. С. Айзенштата по генетике гороха, но потом Федоров снова взял меня к себе на тему по генетике окраски цветка у льна. Я собрал цифры расщеплений в Старом Петергофе, на новой базе биофака. В это время я начал знакомиться с настоящей генетикой, сведения о которой нам сообщал Федоров под видом критики менделизма-морганизма. По-существу, именно он стал моим и не только моим учителем в области генетики.

С окончанием Университета в 1953 г. закончилась моя юность. Это совпало с годом серьезных перемен в жизни СССР. В марте 1953 г. умер Сталин. Страна начала приспосабливаться к жизни без вождя. В конечном счете, это привело к радикальным переменам во многих областях, в том числе и в науке. В моей биологии постепенно стали восстанавливаться нормальные взгляды на генетику. Для меня это означало освоение научных генетических представлений и мое превращение в серьезного научного работника. Вместе с тем это было время становления моих взрослых политических взглядов. Дневника в те годы, я, к сожалению, не вел, но воспоминания об этом времени все еще свежи в моей памяти.

3

Далекая молодость 1953–1965 гг

Этот период моей жизни совпал с периодом оттепели Н.С.Хрущева. В стране были предприняты попытки осуществить либерализацию режима советской власти. Репрессии сталинского времени были осуждены. Из концентрационных лагерей выпустили многих арестованных людей, оправданных за отсутствием улик в надуманных преступлениях. В стране стало несколько больше свободы слова и мнений, хотя власть осталась в руках партийной верхушки.

В апреле 1953 года я отлично защитил на кафедре генетики и селекции Ленинградского Университета дипломную работу по анализу расщеплений второго поколения гибридов форм льна, различающихся по окраске цветка. В.С.Федоров поручил мне проверить данные И.М. Полякова по опылению растений смесями пыльцы. Дело в том, что в это время некоторые исследователи доказывали возможность получения гибридов, совмещающих признаки двух опылителей. Это явление получило в мичуринской биологии название многоотцовости. Данные моей дипломной работы не подтвердили существования этого явления. Оппонентом была сотрудник кафедры Н.А. Чуксанова. Университет я закончил с отличием при двух четверках в дипломе, по общей селекции и зоологии беспозвоночных. Осенью меня приняли в аспирантуру при кафедре генетики и селекции к профессору Н.В. Турбину. Он дал мне тему с мичуринским уклоном по изучению влияния условий выращивания на признак самофертильности ржи (завязываемость зерновок в колосе при принудительном самоопылении с использованием бумажных изоляторов). Моя жена Кира поступила в аспирантуру на ту же кафедру к профессору-цитологу П.В. Макарову.

Летом 1954 г. я работал в Старом Петергофе по теме диссертации. Получил данные, которые попытался интерпретировать в духе роли изменяемых условий среды в определении признака самофертильности. Именно так я сделал свой первый отчет о проделанной работе на кафедре. В июле-августе мы вчетвером, отец, мать, я и Олег ездили в путешествие на купленном на деньги, вырученные за нашу дачу в Зеленогорске, Москвиче по маршруту Ленинград-Луга-Псков-Пушкинские Горы-Харьков-Ялта и обратно Москва-Торжок-Ленинград. 24 февраля 1955 г. в клинике Отто на Васильевском острове у нас с Кирой родилась дочь Оля.

Опыты 1955 г. убедили меня в возможности объяснения полученных ранее данных нечистотой изоляции колосьев ржи. Это сначала повергло меня в уныние, но потом я стал нащупывать реальные подходы к теме по самофертильности. В это время начался мой поворот к настоящей генетике. Я помню, как мучился над рефератами по генетике в Реферативном журнале, не понимая их. Однако после штудирования «Курса генетики» Синнота и Денна, который дал мне доцент Федоров (он сохранил эту книгу, как и ряд других, в период, когда это было небезопасно), а также других книг и статей, стал понемногу разбираться в генетике. Позднее я даже стал внештатным референтом Реферативного журнала. Возможно, что некоторую роль в моем повороте к генетике сыграл приход на кафедру генетики и селекции на место Турбина профессора М. С. Навашина. Турбин перешел в Минск, где был избран академиком АН БССР и назначен директором нового Института биологии. Меня Турбин оформил аспирантом кафедры генетики и дарвинизма Белорусского Университета, хотя фактически я оставался жить и работать в Ленинграде. Летом мы всей семьей снимали дачу в поселке Мартышкино, рядом со Старым Петергофом под Ленинградом.

В начале 1956 года я познакомился в Ленинградском Университете близко со студентом А. С. Юдиным и через него с группой, занимающейся самостоятельно, но с помощью Федо-

рова, настоящей генетикой. Я участвовал в постановке генетических задач на дрозофиле, в переводах английской литературы по генетике. После 20 съезда КПСС был потрясен зачитанным на комсомольском собрании изложением доклада Хрущева о преступлениях сталинского времени. Наверное, в это время начался мой отход от коммунистической идеологии. В 1956 г., в 26 лет я не продлил, как это было принято, своего пребывания в ВЛКСМ и выбыл из этой организации, хотя годом раньше был секретарем аспирантского комсомольского бюро.

Летом 1956 г. я заканчивал экспериментальную работу в Петергофе под Ленинградом, одновременно занимаясь написанием диссертации. Моя жена Кира с дочкой Олечкой и бабулей (матерью Киры) жили на даче. Они снимали комнату в поселке Шувалово рядом с Ленинградом. В начале сентября я приехал в Минск. Ехал на поезде с пересадкой в Вильнюсе и его осмотром. В Минске поселился в общежитии Белорусского Университета около вокзала. С ноября меня зачислили младшим научным сотрудником отдела генетики Института биологии АН БССР. Помню, как я ходил пешком несколько километров от общежития до Академии наук. В конце года вышла из печати моя первая статья с изуродованным редакцией названием по генетике самофертильности ржи в Докладах Академии Наук СССР, представленная академиком Сукачевым по рекомендации академика АН БССР А. Р. Жебрака. В ноябре я поставил первые опыты в теплице Ботанического сада АН БССР по обнаружению двоен у ржи сорта Вятка.

В феврале 1957 г. я ездил из Минска в Ленинград, а весной ко мне в Минск переехали Кира с Олей. Мы сняли комнату у некоей Дуси на Волочаевском, 19 в Сельхозпоселке, недалеко от Академии. Потом переехали на другую квартиру, затем на третью. 20 июня 1957 г. я защитил диссертацию на степень кандидата биологических наук по теме «Генетика самофертильности ржи в связи с условиями выращивания». На защиту я едва не опоздал, забыв дома костюм. Пришлось бежать домой, залезать в закрытый дом через окно и снова бежать обратно в Академию. Оппонентами у меня были профессор А. Р. Жебрак, с которым я подружился, какой-то специалист по ржи Смирнов из Института земледелия, уехавший перед защитой, и профессор Маштаков, назначенный третьим оппонентом из-за отъезда Смирнова. Думаю, что отсутствие Смирнова на защите было связано с его нежеланием участвовать в дискуссии по генетической диссертации. Ученый Совет проголосовал в мою пользу единогласно «за». К защите я подошел сформировавшимся классическим генетиком, так и не ставшим мичуринцем. Высшая Аттестационная Комиссия в Москве утвердила меня в степени быстро, всего через четыре месяца. Кира поступила работать младшим научным сотрудником в лабораторию Жебрака. Летом Олечка жила вместе с бабулей на даче недалеко от Минска.

Летом 1958 г. Кира защитила диссертацию на степень кандидата биологических наук. В тяжелое время подготовки диссертации у Киры впервые обнаружилось маниакальное состояние. Это вызвало напряженные отношения между нами. Кира часто ездила в Москву, Ленинград. Олечку мы носили (я сажал ее на плечи) в академический детский садик. Кажется, весной этого года я выступил на конференции по отдаленной гибридизации в Главном Ботаническом Саду в Москве с небольшим сообщением о генетическом контроле самонесовместимости. Это было мое боевое крещение, позволившее познакомиться с московскими генетиками, Прокофьевой-Бельговской, Бреславец и другими.

В сентябре 1958 года мы вчетвером, папа, мама, Кира и я, совершили путешествие на Москвиче из Минска через Слуцк-Гомель-Чернигов-Киев-Полтава-Красноград-Бердянск. В это время Олечка с бабулей отдыхали на даче в Бердянске. Из Бердянска мы с Кирой проплыли на пароходе «Котовский» до Ялты. В Ялте жили в доме у тети Шуры. Путешествовали по окрестностям Ялты, отдыхали у моря. 1958 год жизни в Минске ознаменовался также тем, что в этом году я видел легендарного американского пианиста Вана Клиберна, первого победителя первого московского Международного Конкурса имени Чайковского. Я смутно

помню, как мы с Кирой присутствовали на репетиции концерта, в которой участвовал этот знаменитый и симпатичный американец.

Осенью 1958 года ко мне обратилась редакция стенной газеты института биологии АН БССР с предложением написать заметку для стенной газеты. Я долго ломал голову над возможным содержанием моей заметки и, в конце концов, сотворил немудреную басню по волнующей меня тематике (см. стихотворение «Вопрос о норах» в сборнике «Публицистика, стихи, рассказы»).

Редколлегия после бурного обсуждения отвергла мою басню, но не за низкие художественные достоинства, а из-за существа моего высказывания по вопросу, который волновал всех сотрудников института. Однако текст басни стал известен в кругах институтской общественности. Спустя некоторое время в высоких инстанциях обсуждался вопрос о выделении сотрудникам института жилплощади в только что отстроенном доме рядом с академией. В те, уже очень далекие времена в Советском Союзе бездомный гражданин не мог просто купить жилплощадь за свои деньги, даже если он прилично зарабатывал. Жилье давали от государства за какие-то успехи гражданина на поприще строительства светлого реального социализма. У меня успехов не было, но была примитивная басня, как-то затронувшая авторитет решающих мою судьбу инстанций. В результате эти инстанции выделили моей семье комнату в трехкомнатной квартире нового дома по минскому адресу Академическая улица, дом 15 (спасибо русской поэзии!). Две другие комнаты квартиры заняло семейство другого сотрудника нашего института. Приобретенная комната явилась основой моего жизненного благополучия и начальным этапом моего восхождения по жилищной лестнице.

Весной 1959 года я ездил в Ленинград и договорился о переходе в Институт цитологии Академии наук СССР к профессору Ю.М.Оленову, генетику классической школы, ничем не запятнавшему себя в годы гонений на эту науку. В августе мы, я и Кира, совершили вместе с родителями путешествие на Москвиче по маршруту Минск-Брест-Луцк-Львов-Ужгород-Одесса. Из Одессы мы с Кирой поплыли на пароходе «Абхазия» в Ялту и далее в Сухуми. Из Сухуми переехали в Сочи, где некоторое время отдыхали. В конце октября я со скандалом ушел от своего шефа Турбина в лабораторию цитологических основ злокачественного роста Института цитологии АН СССР и вернулся в Ленинград к родителям на Рылееву 21, кв.53. В декабре 1959 года я уже прослушал на кафедре генетики и селекции Ленинградского Университета несколько лекций известного специалиста, классического генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского.

Кира же некоторое время еще оставалась в Минске. К началу зимы 1959 года она нашла обмен нашей минской комнаты на комнату в Ленинграде по адресу Московский пр., 4, кв. 19. После крупного ремонта мы переехали туда. Кира брала контейнер для перевозки вещей из Минска. Я в это время осваивался в лаборатории Оленова, который предложил мне заняться генетикой раковых клеток.

В январе 1960 г. я прошел практику по культуре клеток животных в лаборатории питательных сред Института вакцин и сывороток имени Пастера в Ленинграде. А 15 января в роддоме Снегирева на ул. Маяковского у нас с Кирой родился сын Дмитрий. С конца января до начала февраля я практиковался в Москве в Институте экспериментальной и клинической онкологии Академии Медицинских Наук. Прочитал небольшой курс генетики группе, включавшей аспиранта из Китая У Миня и сотрудника института Ю. М. Васильева. Привез в Ленинград из лаборатории профессора Жданова крыс со штаммом устойчивой и чувствительной к сарколизину саркомы 45. Вместе с тем я не терял интереса к генетике ржи и летом занялся ее клонированием у своего учителя Федорова в Старом Петергофе под Ленинградом. Летом Олечка была на даче с академическим садиком, куда я ее устроил, в поселке Заячий Ремиз рядом со Старым Петергофом, а Кира с Димой снимали дачу в поселке Мартышкино. В августе я вместе с родителями совершил поездку на Москвиче на курорт Трускавец, где все

мы пили знаменитую лечебную воду нафтусю. Осенью Кира поступила работать в Институт радиационной гигиены Ленинграда.

Весь 1961 год я постепенно втягивался в тематику по генетике раковых клеток. Но вместе с тем летом изолировал рожь в Петергофе. Олечка ходила в академический садик на Васильевском острове. Летом она ездила с садиком на дачу в Комарово, недалеко от Ленинграда. Кира с Димой снимали дачу в Мартышкино. В конце лета Дима остался с моей мамой, а мы с Кирой ездили в Севастополь-Симеиз, затем в Москву поездом. В Москве пересели на Курском вокзале на электричку во Владимир. Во Владимире жили в гостинице, осмотрели Суздаль. Из Владимира мы проехали на автобусе в Мещеру, останавливались в гостинице поселка Тума, побывали в Гусе Хрустальном, Спас-Клепиках, наконец, приехали в Солотчу, проехали по узкоколейке до Рязани и проплыли паромом за два дня до Москвы. В сентябре мы с Кирой плавали на теплоходе по туристской путевке на острове Валаам Ладожского озера. В декабре Кира с детьми снимала комнату в гостинице Ривьера в Зеленогорске.

В начале 1962 года я занимался в кружке аквалангистов на базе какого-то военноморского учреждения. Прошел испытание в барокамере на + 4 атмосферы, погружался с аквалангом в воду в башне и бассейне. Получил удостоверение спортсмена-подводника. Год выдался творческий. Я поставил много опытов с культурами, получил первым в СССР клоны клеток животных по Паку, получил свой штамм крысиной саркомы 45К, поддерживаемый в культуре в пробирке и прививкой на крысах, нашел хромосомные маркеры. Написал три экспериментальные работы для лабораторного сборника. Втянулся в работу настолько, что иногда работал до ночи. Как говорится, попал на стезю. В конце февраля был на конференции в Институте радиационной и физико-химической биологии им. Энгельгардта.

Кира опять в стрессовом состоянии писала свои отчеты. Жизнь шла напряженно, на бегу. Оля пошла в школу на канале Грибоедова, ходила в группу продленного дня, училась в музыкальной школе. Из-за переутомления ее вскоре пришлось взять оттуда, выхлопотав академический отпуск на год. Дима ходил в ясли на Сенной площади, весной болел прививочной корью из-за использования бракованной вакцины. Летом ездил с яслями на дачу в Вырицу. Это примерно 60 км от Ленинграда. Оттуда мы взяли его досрочно. Он был травмирован дачей, плохо спал, плакал во сне. Зато прекрасно ел, очень важно и помногу. Летом мы с Кирой ездили в крымский Коктебель, жили в палатке на территории автокемпинга, путешествовали по окрестным бухтам. Я занимался подводной охотой в маске с ружьем. Из Коктебеля мы совершили поездки в Старый Крым, где были на могиле Грина. Затем ездили в Судак и Новый Свет. Далее проплыли на пароходе в Ростов на Дону, по Волго-Донскому каналу в Волгоград, по Волге до Ярославля и домой на поезде. В конце декабря Кира с детьми отдыхала в Зеленогорске, снимала комнату. Год был насыщен политическими событиями. Пережили стычку СССР и США по поводу размещения советских ракет на Кубе. Был период, когда опасность войны была так велика, что ночная гроза с молнией воспринималась как начало атомной бомбардировки.

В начале 1963 года я прочитал напечатанный в Новом Мире «Один день Ивана Денисовича» и позднее «Матренин двор»

А.И.Солженицына. Повесть поразила простотой и узнаваемостью лагерных порядков по нашей «свободной» жизни. В это время я стал осознанным антикоммунистом. Впервые сформулировал необходимость, по крайней мере, НЭП для страны. Это был также период знакомства с песнями Булата Окуджавы. Во время начавшихся заморозков, гонений на литераторов и художников-нон-конформистов я написал письмо поддержки поэту Евгению Евтушенку. Восстановил свои контакты со своим одноклассником Юрой Меклером, отсидевшим несколько лет за чтение четырех страниц «Доктора Живаго» Бориса Пастернака. Продолжал активно работать в области генетики раковых клеток. Сделал доклад на конференции по полиплоидии в Ботаническом Институте АН СССР. Отказался от поездки

в Польшу на конференцию по гистохимии. Получил предложение стать ученым секретарем Института цитологии, но не принял его. Ученым секретарем стал мой товарищ Ю.Б.Вахтин. Я также проработал «Краткий курс высшей математики» Кудрявцева и Демидовича, а затем «Курс высшей математики» для техникумов Зайцева. Начал походы по маршрутам в пределах Ленинграда и Ленинградской области в районе поселка Красницы. Много упражнялся в игре на гитаре, но так и не освоил ее. Семья жила насыщенной культурной жизнью. В ленинградском Театре Комедии смотрели исторический спектакль Акимова «Дракон». Слушали в Мариинском театре оперу Лоэнгрин. В начале года нам удалось устроить Диму в Академический садик на Васильевском острове. Летом мы снимали дачу в Красницах, где дети жили с няней Евдокией Ивановной. В конце июня родители, я, Кира и Оля выехали на разваливающемся автомобиле Победа по Киевскому шоссе на юг. Ночевали на 458-м километре, в сосновом бору среди земляничника на берегу реки Великой. Затем проехали Витебск-Могилев-Чернигов-Киев-Белая Церковь-Одесса-Николаев-Херсон-Каховка-Ново-Алексеевка, где Киру укусила собака. Далее Симферополь, где Кире делали уколы против бешенства, Алушта и Судак. Здесь остановились в автокемпинге. Родители с Олей уехали в Алушту, а мы остались. В Судаке у меня на пляже украли все деньги 45 р. Я послал телеграмму своим товарищам в Институт цитологии с просьбой о деньгах и вскоре получил 40 р. телеграфом. Кира из-за отсутствия денег несколько дней работала посудомойкой в столовой за наше питание. Затем мы переехали в Коктебель и вернулись самолетом в Ленинград. Осенью несколько раз ездили на Победе за грибами на Карельский перешеек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.